

Владимир Фадеев

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОРЛА

БЫЛЬ

Том 1

*Не потому ли на Оке
Иные бытия расценки...
Б. Ахмадулина*

*«Небываемое бывает»
Надпись на медали 1703 г.*

Москва
Интернациональный Союз писателей
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф15

Фадеев, Владимир

Ф15 Возвращение Орла. Том 1 / В. Фадеев. – М. : Интернациональный Союз писателей, 2022. – 630 с.

ISBN 978-5-6049029-4-3

В конце 80-х годов группа физиков-ядерщиков попыталась использовать шанс предотвратить катастрофу страны, став командой мистического корабля «Орёл», некоего архетипа континентального русского духа, неизменно возвращающегося в нашу реальность за три года до национальной трагедии. Результат миссии пока неизвестен, но он в наших руках. Место действия – село Дединово, родина российского триколора и первого военного корабля «Орёл».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

13 мая 1988 года, пятница
*Бухгалтер – Отъезд – Приезд – Флягина коса –
Катенька – На берегу – Вечер*

*Все свои важнейшие дела я начинал в
пятницу, 13-го, это больше, чем
суеверие, это одно из неотъемлемых
составляющих успеха.
Сегодня именно такой день.
Н. Тесла*

Бухгалтер
Сон в руку – зачатъе – десант

*Начало всегда есть тайна.
А. Зиновьев*

Сон в руку

*И вот два года тому назад начались
в квартире необъяснимые
происшествия: из этой квартиры
люди начали бесследно исчезать.
М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»*

Пятница. Тринадцатое. Май. Что называется, три в одном. Может ли быть что-нибудь хорошее в таком денёчке?

Дурное настроение у главного бухгалтера дединовского со-
вхоза «Ока» Ивана Прокоповича Сутейкина началось ещё в по-
следнем утреннем сне: небывалый паводок (это в середине-то
мая?), опять смыло паром, на поля с Оки зашли щуки, судаки
и стали пожирать только что высаженную капустную рассаду.
Он плавал полями на дырявом челне и глушил судаков веслом,
гонял по грядкам обнаглевших щурят, но те уворачивались и

пожирали, пожирали будущую капусту. Бог бы с ней, с капустой, не его это, по большому счёту, забота – что он, агроном или бригадир? – но когда он всё-таки ухватил одного щурёнка за жабры и вытащил у того из пасти капустный росток, тот оказался свёрнутым в маленький кулёчек трояком. Иван Прокопович свесился через борт тонущего челна и рассмотрел под метровой глубиной ровно рассаженные трёшницы, быстро исчезающие в зубастых мордах. А это уже его печаль! Мало того, что деньги зарыты в землю, так они ещё залиты водой и неучтённо пожираются хищниками! Денежки, денежки...

«А ведь щуки траву не едят, ладно бы заплыли сазаны, караси на худой конец, – расстроенный, рассуждал он во сне, – так ведь это и не трава была, а деньги; а деньги хищникам только дай, оттого-то щуки и зелёные, в разводах, как в водяных знаках... Конечно, конечно, у щуки не шкура, а купюра, чисто трёшница, да и у судака, только у того какая-то не советская, хоть и зелёная, да больно бледная, не яркая, как будто несвежая, труповатая... недаром тухнет быстро. Может быть, и директора заглотил какой-нибудь речной охотник? Левиафан, сом-убийца? А-а! – поразился во сне открытию Прокопыч, – наверное, и парторга он в прошлом году утащил, и старого директора, а если так, то вот все загадки и разгаданы: Ока-матушка специально выродила монстра, и он теперь регулярно – уже три года! – подъедает всех новоявленных зачудившим русским духом начальников. И огромный же должен быть сомяра, живот-то у директора на пять вёдер... как бы он сам сома не сожрал».

С этой несуразной полумыслью-полусном – кого больше жалко, сомяру или директора – и пришло окончательное пробуждение.

Сон был в руку. С утра выплачивали зарплату отъезжающим москвичам – по ведомости на сорок семь человек девятьсот шесть рублей, три с лишним пачки трёхрублёвок – вот они, трёшки! Ограбили совхоз. За что им платить? До двух позагорают – и к магазину. А своим теперь в июне. Директору только б отчитаться за командировочных. Хотел было с ним поскандальить – москвичам за одно безделье два раза платят, и в Москве по полной, и ещё тут, а своим... – да тот со вчерашнего обеда как в воду канул: и вечерняя оперативка, и зарплата, и ещё сто дел – нету директора. Позавчера из последних дотационных (говорят, отменяют дотации, всё, кру-

титесь сами...) перевели их в какое-то МэПэ «Трилобит» – откуда в МэПэ «Трилобит» запчасти к «Кировцам»? – а вслед за деньгами двинул и директор. Нет! Совхоз ему побоку, главное – райком по мелочам не дразнить, намылился. А может, он и не за денежками вслед? Может, что-то знает или чувствует... Чует! Иван Прокопович тоже чуял, пред-чуял, но все его пред-чуянья, в силу профессиональной зашоренности, сводились к деньгам, дебетам-кредитам, лимитам остатка кассы, всякую мелочь какой-то головной арифмометр пересчитывал в рубли, точнее, в их недостатку. Не в жадности было дело – чего жалеть не своё, – а в порядке. Деньги в его воображении должны были точно соответствовать некоему их, денег, собственному духу, правильное количество которого иначе, как дензнаками, не выразишь. Не тоннами, километрами, трудоднями – эти так называемые «показатели» к деньгам имели отношение опосредованное, то есть могли соответствовать не точно, а вот качество их, наполненность пользой и ещё какое-то неуловимое и невыразимое словами свойство – точно. Вот выданные до обеда девятьсот шесть рублей сорока семи залётным работникам в его головной бухгалтерии не соответствовали. Особенно не соответствовала последняя, едва початая пачка. Тоже горестная причуда: за початую или просто неполную пачку денег он переживал, как за ущербного человека, хуже – как за семью, потерявшую единокровного, лишившуюся целостности, а с ней вместе и покровительства денежного бога. Никому не признавался (хотя, конечно, бухгалтерские женщины эту мистическую способность своего шефа знали), но он мог бы выступать в цирке с неповторимым номером: из двух одинаковых пачек он стопроцентно определял неполную, и даже насколько неполную – без одной, без двух, без трёх купюр (не больше). Неполная пачка лежала именно горестно, она как бы не была уже сама собой, а ещё более горестно вился вокруг неё фантом недостающей денежки-сироты, вот её-то тоску и сиротский страх Прокопыч, сам сирота, видел особенно ясно. И откуда это у него?... Даже банальная фраза о том, что копейка рубль бережёт, была полна для него совсем иным смыслом, не количественным, банальным – ну, нет копейки без рубля! – а почти мистическим, где копейка, малая часть этого целого, во столько же раз важнее целого, во сколько целое больше этой малой копейки. Она, копейка, не просто дополняет

его до целого, а именно бережёт эту целостность, превращает его из бумажки или железки в один из образов самого человека, и в этом-то его (и её, копейки!) настоящая ценность. Такая вот бухгалтерская голография. Где это уразуметь директору...

«Странно, – снова вернулся к директору мыслями, – уехал, кабинет заперт, а телефон то и дело занят... и шаги... Может, он и не уехал, спрятался? Ну, если прятаться, то не у себя же в кабинете! А если по нужде – как? Непонятно».

Директор, директор... В прошлом году, в это же майское время, едва зачерёмушило да засоловило, исчез партийный секретарь, так исчез, что не нашёлся по сей день. Два года назад пропал предыдущий директор, тоже накануне Победы, только подсохли после половодья поля, так что мог пойти трактор – нет директора. Про этого были хоть какие-то слухи, правда, настолько разные, что как и верить? Одни говорили, что экстренно пошёл на повышение, теперь не в Дединово капусту сажает, а управляет капустой всесоюзной, другие – что, как капусту, посадили его самого, третьи – самое неправдоподобное: что утонул на пляже в Болгарии, только как он туда попал в начале посадочной?.. А если всё-таки попал, то наш сомяра за ним мог и туда сплавать... по Волго-Дону, через Азовское море и прямоком на солнечный болгарский бряг...

Трилобит, часом, не рыба? Что-то же водное... не то что твои шуки – не трёшки, сразу тысячами жрёт, даже если не рыба, то ещё та рыбина.

А началось в аккурат со стартом перестройки – три года тому, как на партсобрание, посвящённое только что закончившемуся апрельскому пленуму, разродившемуся этой недоношенной перестройкой, не явился докладчик – начальник отделения «Бор», он же парткомовский идеолог. Коммунисты подумали простейшее: запил (был за ним грех), потому что если бы, скажем, умер, то на партсобрание за новую жизнь всё одно бы пришёл, и в следующие дни, хотя бы и в смертном виде, но объявился, а раз не объявился – запил. Наверное, учуял – идеолог! – что через пару недель провозгласят трезвость, и просто так уже не попьёшь, вот и поспешил. Но, оказалось, учуял идеолог что-то другое: ближе к осени, когда уже давно всем стало ясно, что не запил и не умер, а пропал, промелькнула его физиономия в «600 секундах» у Не-

взорова, как-то странно промелькнула: одни, видевшие передачу, говорили, что его стыдили, и – позавидовали, другие утверждали, что хвалили, и, конечно, негодовали.

Да, так началось, хотя тогда никто и не подумал, что что-то началось; правды ради надо сказать, что и сейчас никто ни о чём таком не думал, у одного Прокопыча в его счётном мозгу, и то только вот-вот, сцепились эти исчезновения в цепочку, весьма даже затейливую: парторг-директор-парторг-директор. А если цепочка, то становилось очевидным, что, во-первых, директора уже ждать не стоит, а во-вторых, в следующем году пропадёт кто-то из партийных.

Да бог бы с ними, ведь не о них наша речь и забота...

Зачатье

*Жили-были старик со старухой,
и не было у них детей.
Народная сказка*

Вслед за рыбой вспомнился и Лёха, беспутный рыбачок с Малеевского, жених... не дай бог. Чуть лёд с реки – начинает носить эту рыбу, повод ему. Рыжий, лохматый, руки красные, глаза красные, а сам тщедушный, гусиная кожа! Катя, Катенька-котёнок, ну что ей в этом пьянице? Как объяснить, что его судьба – чёлн и бутылка, у него, говорят, даже прозвище Бутлер; это только кажется, что на реке колеи не бывает, её просто не видно, но речная колея – всем колеям колея, из рыбацкого челна только на кладбище. «Ты, пап, ничего не знаешь!...». Он-то как раз и знал, и понимал: поймал – продал – пропил. И то – с мая по октябрь. А с октября по май? Катя, Катя, умница ты моя бестолковая, да минует тебя эта судьба – худой чёлн да рваные сети!

Однажды, возмущённый рыбной подачкой, высказался о Лёхе: – Он же... он же... нищий!

Катя не обиделась, а наоборот, на секунду задумавшись, улыбнулась:

– Нищий!

– Чему ты радуешься?

– Так... А ты знаешь, что означает это слово?

– Только то, что означает – нищий! Бездельник, наверняка пьяница, в амбаре мышь повесилась, хотя откуда у него амбар, живёт на подачки... ну, что ты смеёшься?

– Так ведь не ты ему, а он тебе подаёт, – кивнула на рыбу.

– Это... это совсем другое! – Не хотелось вслух говорить, что так Лёха пытается жениться, думать даже об этом не хотелось, не то что вслух произносить такую версию.

– Не переживай, пап. Он настоящий нищий, «ништьяс», то есть нездешний, вот ему ничего здешнего и не надо.

«Начиталась», – подумал бухгалтер.

– Духом святым жив?

– Он сам – дух.

– Всё смеешься надо мной... – сказал скорее, чтобы закрыть тему – разговор подошёл к черте, которую он определил для себя запретной: Лёха был с Малеевского... уж не лунный ли братец выискался у нашей дочушки?

Как же она была им дорога!... Защемило сердце. Восемь лет не могли зачать, впустую и врачи, и знахари местные и неместные, чего только кто не советовал! Одна орловская родственница – «Верное дело!...» – купить у рыбаков живую щуку, словленную в заветном месте, запустить в корыто и не меньше двух часов смотреть не отрываясь в злые щучьи глаза, – смотрели, без толку, может, место не заветное... Рыбинская родственница, наоборот, советовала найти дерево с орлиным гнездом и с предрассветья до первого вылета орла из гнезда просить помощи – и у дерева, и у орла, орёл на абы каком дереве жить не станет, только на чудесном, да и сама птица не простая... Стал интересоваться про орлов и сначала вдохновился, прочитав где-то, что самая большая в стране популяция орлов как раз у них, в бассейне реки Оки, да и как же могло быть иначе, ведь не просто так и город Орёл на Оке; но потом выяснилось, что в бассейне не их Оки, а сибирской, на западном побережье самого Байкала, и особенно на острове Ольхон, потому что тамошний белоголовый орёл приходится родным сыном хозяина острова Ута Сагана и его жены Саксага Саган Хатан – самых грозных байкальских божеств, обитающих в шаманской пещере на мысе Бурхан, и его, орла, личность там считается священной и неприкосновенной, вот и

расплодились... хорошо бурятским жёнам! А на нашей Оке, знающие люди рассказали, если где и можно было бы теперь вдруг увидеть орла, то самое близкое – за двести вёрст, в старых цнинских борах, и то... а из жалких остатков дединовских дубрав последний орёл слетел ещё до войны, матери наши ещё могли бы ему помолиться, а нам одни вороны остались...

Потом караулил, когда в конце августа зацветёт гусиная трава, спорыш, собирал в полдень, сушил, мельчил, медовые тампоны, банки – не получалось... По травам бухгалтер вообще стал знатоком, собирал шалфей, ромашку, мать-и-мачеху, барвинок, багульник болотный, горицвет, адамов корень... эх, сколько, словно бог и придумал травы лишь для того, чтобы от женского бесплодия лечиться.

Даже колдунью какую-то, древнюю Прасковью, привозил (выпросил парткомовский «газик») из лесоболотной Белоомутской глубинки, о которой ещё полвека назад писал местный гений, что здесь *нету дорог. Здесь кричат дикие утки. Здесь пахнет тиной, торфом, болотным газом. Здесь живут тринадцать сестер-трясовиц-лихорадок. Здесь на песчаных островках буйно растут сосны, – у трясин тесно сошлись ольшаники, землю заткал вереск, – и по ночам, когда бродят тринадцать сестер-лихорадок, на болотцах, по воде бегают бесшумные, нежгущие, зелёные болотные огни, страшные огни, и тогда воздух пахнет серой, и безумеют в крике утки. Здесь нет ни троп, ни дорог, – здесь бродят волки, охотники да беспутники. Здесь можно завязнуть в трясине...* Едва в лес въехали, уже и пожалел о предприятии: дорогу преградила как будто только что упавшая ёлка, объезжали по кустам и здорово царапнули крыло, шофёр матерился, лес, как в отместку, продолжал баловать с колеёй: канавы с водой чуть не по фары, валежины помельче дважды выходили разбирать, а главная напасть развилки – куда ехать? Когда объясняли (дед Егор, в бытность паромщик, пока, бывало, с одного берега Оки на другой перетянет, хоть без надобности, а повыспросит у шоферов – куда да откуда, да как проехать собираются, потому и знал, что если не за Каданком на Рязановский сворачивать, а дальше через Белоомут, только не по хорошей дороге вправо, по ней дальше Слёмских Борков пути нет, а влево и через лесную глухомань, то до колдуньи Прасковьи добраться и

можно, если по «разбежкам», так и брать всё время левее. Мимо не проехать, потому что во всём этом дремучье кроме неё никого и нет. Прокопыч ещё спросил, куда ж ведут те, которые правее, коли во всём лесу, кроме колдуньи никого нет, на что дед Егор ответил просто: «в никуда»). В никуда не хотелось, очередной раз ушли влево, попали совсем уж в западню – с десяток сосен поперёк пути, с одной стороны мшистые в буреломах и мухоморах холмы, с другой овраг, не объехать, вернулись с километр и двинулись по правой, медленно, но упрямо спускающейся всё ниже и ниже; и когда уж отчаянье, перемешанное с какой-то утробной жутью-тоской и шофёрскими матюками, толкнуло было на команду к отступлению, выскочили вдруг на в полгектара поляну на берегу живописного озерца, весьма добротная избушка на берегу, на заборе кот, по двору куры. Подходил и побаивался: ведь считай, к самой Бабе-Яге в гости, так и ожидал увидеть – *маленькая, сгорбленная, узкогубая, коварная, с носом, похожим на клюв, со злыми слезящимися глазами, клюкой машет, слюной брызжет, в ногах чёрная кошка-оборотень, на плече говорящая сова*. Сошлось не совсем, даже совсем не сошлось: сухая, как щепка, высокая прямая старуха, неприветливая – так это в ответ на его мысли, ведь как-то прочитала их, потому и встретила так, будто он, Прокопыч, виноват перед ней со всеми сродниками до седьмого колена, прятался, прятался, да вот явился. Не хотела ехать, спросила: что ж, к своим старикам не хотите? «Какие у нас старики! Нету!» – «Это в Дедново-то нету? – назвала село старым именем *Дедново*, и сухо, не разжимая тонких губ, засмеялась в лицо поражённому Прокопычу... А ведь не говорил он, что приехал из Дединова... – так и нету? И ты ни одного и не помнишь?». Смотрела то ли жалеючи, то ли насмешливо. Да многих он стариков помнит и знает, но это какие старики? Пенсионеры, тихие, а то и беспутные, сами думают, к кому за помощью обратиться, по хозяйству если ещё могут – хорошо, а так – протирают лавки перед палисадами. Один только был иным, так это ещё из детства, лет уж тридцать назад... а лицо его с бородой и запах запомнились накрепко... не на него ли карга намекает? Сначала тот старик изъясил его, малого, из холода и какого-то страха, где все кричали и плакали, а потом, утешив, привёл к Кирилловым, у тех уже был приёмьш, но старику не отказали. Запах запомнил-